

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Агата
Кристи**

Вилла «Белый конь»

Агата Кристи. Серебряная коллекция

Агата Кристи
Вилла «Белый конь»

«ЭКСМО»

1961

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

Вилла «Белый конь» / А. Кристи — «Эксмо», 1961 — (Агата Кристи. Серебряная коллекция)

ISBN 978-5-04-099431-1

Возможно ли убийство посредством телепатии? Можно ли отравить человека при помощи древнего колдовства? Связан ли целый ряд таинственных несчастных случаев с ритуалами черной магии? Ответы на эти вопросы может дать только миссис Ариадна Оливер – писательница, регулярно появляющаяся во многих романах Агаты Кристи.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099431-1

© Кристи А., 1961
© Эксмо, 1961

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Агата Кристи

Вилла «Белый конь»

Джону и Элен Майлдмей Уайт с огромной благодарностью за предоставленную мне возможность увидеть торжество справедливости

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Предисловие Марка Истербрука¹

Сдается мне, к этой странной истории виллы «Белый конь» можно подойти двояко. Несмотря на изречение Белого Короля, простоты не так-то легко добиться. Никто не может, другими словами, «начать сначала и продолжать, пока не дойдет до конца»². Потому что где оно, начало? Для историка всегда в том и кроется главная трудность. В какой именно момент начинается определенный период истории?

В данном случае можно начать с того момента, когда отец Горман отправился навестить умирающую женщину. А можно начать еще раньше, с одного вечера в Челси.

Пожалуй, раз уж я сам пишу солидную часть этого повествования, с этого вечера я и начну.

---

¹ Более правильное название романа – и с языковой, и с контекстной точки зрения – должно звучать по-русски как «Вилла «Конь бледный», что связывает повествование с известным апокалиптическим образом; но поскольку за романом исторически закрепилось название «Вилла «Белый конь», редакция решила оставить его.

² Слова Белого Короля из «Алисы в Стране чудес»: «Начни сначала, – важно ответил Король, – и продолжай, пока не дойдешь до конца» (*пер. Л. Яхнина*).

Глава 1

Рассказ Марка Истербука

I

Кофеварка «эспрессо» шипела у меня за плечом, как злая змея. В этом звуке слышалось нечто зловещее – не то чтобы дьявольское, но намек на дьявольщину в нем все же был. «Возможно, большинство современных звуков несут в себе этот намек», – размышлял я. Пугающий грозный рев реактивных самолетов, чертящих небо над головой; медленное угрожающе громыхание поезда метро, приближающегося по туннелю; тяжелый шум городского транспорта, сотрясающий сам фундамент вашего дома... Сегодня даже не очень громкие звуки домашней техники, какой бы полезной ни была ее деятельность, слегка настораживают. Посудомойки, холодильники, скороварки, воюющие пылесосы словно говорят: «Берегись! Я – джинн, впряженный в ярмо, дабы служить тебе, но если ты слегка ослабишь за мной присмотр...»

Опасный мир – так-то вот. Опасный мир.

Я помешал в исходящей паром чашке, которую поставили передо мной. Пахло аппетитно. – Что еще закажете? Вкусный сэндвич с ветчиной и бананом?

Такое сочетание показалось мне странным. Бананы я мысленно связывал со своим детством или – время от времени – с фламбе³ с сахаром и ромом. Ветчина в моем представлении четко ассоциировалась с яичницей. Но раз уж я в Челси, нужно есть, как принято в Челси. Поэтому я согласился на вкусный сэндвич с ветчиной и бананом.

Хоть я и жил в Челси – вернее, последние три месяца снимал здесь меблированную квартиру, – я во всех отношениях оставался здесь чужаком. Я писал книгу об определенных аспектах архитектуры Великих Моголов и для этого с тем же успехом мог бы поселиться как в Челси, так и в Хэмпстеде, Блумсбери или Стритэме⁴. Я не обращал внимания на окружающее, если не считать предметов моего труда, и совершенно не интересовался соседями – словом, существовал в своем собственном мире.

Однако в тот вечер я стал жертвой одного из внезапных припадков, знакомых всем писателям мира.

Могольская архитектура, могольские императоры, могольский образ жизни (и все другие связанные с ними увлекательнейшие проблемы) внезапно показались мне тленом и прахом. Да кому они нужны? Чего ради я решил о них кропать?

Я полистал некоторые страницы, перечитывая написанное. Все казалось мне одинаково скверным: жалкий слог, содержание – скука смертная. Кто бы ни сказал: «История – это обман» (Генри Форд?)⁵, он был совершенно прав.

С отвращением отпихнув рукопись, я встал и посмотрел на часы. Было около одиннадцати. Я попытался вспомнить, обедал ли сегодня... Судя по ощущениям – не обедал. Разве что перехватил ленч в «Атенеуме»⁶, уже давно.

---

³ Фламбе – блюдо французской кухни: фрукты обливают бренди, коньяком или ромом и поджигают, что дает хрустящую корочку.

⁴ Хэмпстед, Блумсбери, Стритэм – районы Лондона.

⁵ Генри Форд (1863–1947) – знаменитый американский бизнесмен, один из основателей автомобильной промышленности, создатель транснациональной корпорации «Форд мотор компани». Он знаменит разными цитатами, в т. ч. ему принадлежит высказывание: «История – это более или менее обман».

⁶ «Атенеум» – клуб писателей и ученых в Лондоне.

Я заглянул в холодильник и неблагоприятно осмотрел остатки высохшего отварного языка...

Так я и забрел на Кингз-роуд, а потом свернул в эспрессо-кафе-бар, над окном которого светилась красная неоновая надпись «Луиджи». И теперь вот созерцал сэндвич с ветчиной и бананом и размышлял о зловещей подоплеке современных звуков и их влиянии на атмосферные эффекты.

«Все они, – думал я, – имеют нечто общее с моими ранними воспоминаниями о пантомиме».

Дейви Джонс, появляющийся в клубах дыма из своего рундука!⁷ Люки и окна, извергающие адские силы зла, которые бросали вызов доброй фее Алмаз (или как там ее звали). Та, в свою очередь, размахивала слишком хрупким жезлом и уныло декламировала многообещающие банальности о конечном триумфе добра, предваряя этим неизбежную «популярную песню», никогда не имевшую никакого отношения к сюжету данной пантомимы.

Мне вдруг подумалось: зло, пожалуй, всегда впечатляло больше, чем добро. Зло было таким эффектным! Злу полагалось быть пугающим, оно должно было бросать вызов! Зло – это нестабильность, атакующая стабильность. Но я верил, что в конце концов стабильность всегда победит. Стабильность сможет выдержать все банальности доброй феи Алмаз; ее скучный голос, даже совершенно не к месту спетый куплет: «Дорожка вьется в городок, что я люблю, что так далек». Все подобные штучки казались очень чахлым оружием, однако это оружие неизменно брало верх. Пантомима заканчивалась, как всегда, лестницей и спускающейся по ней трупной в порядке старшинства, с доброй феей Алмаз, олицетворяющей христианское смирение и не стремящейся быть первой (или, в данном случае, последней)⁸: она всегда оказывалась посередине бок о бок со своим недавним противником. Тот больше не был рычащим Королем Демонов, изрыгающим огонь и серу, а всего-навсего мужчиной в красном трико.

«Эспрессо» снова зашипел мне в ухо. Я дал знак принести еще чашечку и огляделся.

Сестра постоянно ругает меня за то, что я ненаблюдателен и не замечаю, что происходит вокруг. «Ты вечно живешь в каком-то своем мире», – осуждающе говорит она.

И вот сейчас, с сознанием собственной добродетели, я начал отмечать, что же происходит вокруг.

Попробуй-ка не читать того, что каждый день печатается в газетах о барах Челси и их посетителях! И вот мой шанс составить собственное мнение о современной жизни.

В кафе царил полумрак, поэтому трудно было четко что-либо рассмотреть. Посетители почти все молодые. Я смутно заподозрил, что они из тех молодых людей, которых называют поколением битников. Девушки казались замарашками – нынче все девушки кажутся мне замарашками. И, по-моему, они были слишком тепло одеты. Я уже заметил это, когда несколько недель назад выбирался пообедать в ресторане со своими друзьями. Девушке, которая сидела тогда рядом со мной, было лет двадцать. В ресторане было жарко, но она облачилась в желтый шерстяной пуловер, черную юбку и черные шерстяные чулки, и в течение всего обеда у нее по лицу катился пот. От нее разило пропитанной потом шерстью и очень сильно – невымытыми волосами. Судя по словам моих друзей, она была крайне привлекательна. Но не для меня! Я жаждал одного: швырнуть ее в горячую ванну, дать ей кусок мыла и заставить использовать его по назначению. Полагаю, это демонстрирует, насколько я отстал от жизни. Может, потому, что слишком много времени провел за границей.

---

⁷ Дэйви Джонс – в фольклоре британских моряков злой дух, живущий в море, а его рундук – это океан, принимающий мертвых моряков.

⁸ «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19:30).

Я с удовольствием вспомнил женщин Индии, их красиво уложенные черные волосы, грациозную походку, ниспадающие грациозными складками сари ярких чистых цветов, ритмичное покачивание тел на ходу...

От этих приятных воспоминаний меня отвлек внезапно поднявшийся шум. Две юные особы за соседним столиком затеяли свару. Молодые люди, с которыми они пришли, пытались все замять, но тщетно.

Внезапно девушки начали вопить друг на друга; одна дала другой пощечину, а та стащила первую со стула. Они принялись драться, как базарные торговки, истерически выкрикивая ругательства. Одна была с разлохмаченными рыжими волосами, другая – прилизанная блондинка. Я так и не понял, из-за чего весь сыр-бор, если не считать того, что они оскорбляли друг друга словесно.

Из-за других столиков понеслись крики и свист.

Посетители сопровождали сцену ободряющими восклицаниями и мяуканьем:

– Молодца! Дай ей в челюсть, Лу!

Стоящий за баром хозяин – тощий, похожий на итальянца парень с бакенбардами (я решил, что это сам Луиджи) – вмешался, закричав с чистейшим выговором лондонского кокни:

– Аллэ, а ну-ка, кончайте! Кончайте! Через минуту сюда сбежится вся улица. Вы приманите сюда «фараонов». Хватит, я сказал!

Но прилизанная блондинка вцепилась рыжей в волосы и принялась неистово таскать ее за шевелюру, вопя:

– Ах ты, сука! Вздумала отбить моего парня!

– Сама сука!

Хозяин и смущенные кавалеры растащили девиц. В когтях блондинки остались большие пучки рыжих волос. Она весело потрясла ими, после чего бросила на пол.

И тут открылась входная дверь, на пороге кафе появился блюститель закона в синей форме и величественно проронил стандартные слова:

– Что здесь происходит?

Общего врага тут же встретили единым фронтом.

– Просто слегка повеселились, – сказал один из молодых людей.

– Только и всего, – сказал Луиджи. – Небольшое дружеское веселье.

И он ногой затолкал под ближайший столик клочок волос. Противницы улыбнулись друг другу в знак фальшивого примирения.

Полисмен недоверчиво обвел взглядом собравшихся.

– Мы как раз уходим, – ласково сказала блондинка. – Идем, Даг.

По случайному совпадению, еще несколько человек как раз собрались уходить. Блюститель порядка проводил их мрачным взглядом. Этот взгляд говорил: на сей раз он посмотрит на случившееся сквозь пальцы, но будет начеку. Засим полисмен медленно удалился.

Кавалер рыжей уплатил по счету.

– Ты в порядке? – спросил Луиджи у девушки, которая поправляла платок на голове. – Лу порядком тебя отделала – выдрала волосы с корнем.

– Да вовсе и не было больно, – небрежно сказала девица и улыбнулась ему. – Прости за свалку, Луиджи.

Компания ушла. Теперь бар был почти пуст. Я нашарил в карманах мелочь.

– Она просто молодчина, – одобрительно сказал Луиджи, наблюдая за закрывающейся дверью. Затем взял метлу и замел за прилавок пряди рыжих волос.

– Боль, должно быть, была ужасной, – сказал я.

– Я бы на ее месте так заорал! – признался Луиджи. – Но она просто молодчина – Томми-то!

– Вы хорошо ее знаете?

– Да, она здесь почти каждый вечер. Такертон ее звать, Томазина Такертон, если хотите полностью. Но тут ее кличут Томми Такер. Отвратно богата. Ее старик оставил ей целое состояние, а она что? Переезжает в Челси, живет в паршивой конурке близ Уондсворт-бридж и болтается с шайкой таких же, как она сама. Вот никак не пойму: у половины этой шайки есть деньжата. Они могли бы заполучить любой ништяк на свете, могли бы поселиться в «Ритце», если б захотели. Но они, похоже, кайфуют, живя так, как живут. Да... Вот никак этого не пойму.

– А вы бы сами что делали на их месте?

– Ну у меня-то есть голова на плечах! – сказал Луиджи. – А сейчас я просто зарабатываю как могу.

Я встал, чтобы уйти, и спросил, из-за чего началась ссора.

– А-а, Томми положила глаз на бойфренда той девчонки. А он не стоит того, чтобы из-за него драться, уж поверьте!

– Вторая девушка, похоже, уверена, что стоит, – заметил я.

– Ну, Лу очень романтичная, – толерантно отозвался хозяин.

У меня были другие представления о романтике, но я об этом промолчал.

II

Примерно спустя неделю мое внимание привлекло знакомое имя в колонках «Таймс», где печатаются извещения о смерти. «ТАКЕРТОН. 2 октября в Фоллоуфилдской частной лечебнице в Эмберли в возрасте двадцати лет скончалась Томазина Энн, единственная дочь покойного Томаса Такертон, эсквайра из Кэррингтон-парк, Эмберли, Суррей. На похороны приглашены лишь близкие. Цветы нежелательны».

Ни цветов для бедной Томми Такер, никакого больше кайфа от жизни в Челси. Я вдруг ощутил сострадание к разным томми такер наших дней. Но, в конце концов, напомнил я себе, откуда мне знать, что моя точка зрения правильна? Кто я такой, чтобы заявлять, что ее жизнь прошла впустую? Может, как раз *моя* жизнь, тихая жизнь ученого, погруженного в книги, оторванного от мира, тратится зря. Жизнь из вторых рук... Если быть честным, ловлю ли я от жизни кайф? Очень непривычная мысль! Конечно, по правде говоря, я и не желал ловить кайф. Но, с другой стороны, может, я *должен* этого желать? Непривычная и очень неприятная мысль.

Я выбросил из головы Томми Такер и обратился к своей корреспонденции.

В одном из писем моя двоюродная сестра Рода Деспард просила об одолжении. Я ухватился за него, поскольку нынче утром был не в настроении работать. А тут такой прекрасный повод отложить дела!

Я вышел на Кингз-роуд, поймал такси и поехал к своей приятельнице, Ариадне Оливер. Миссис Оливер была популярным автором детективных романов. Ее служанка Милли, отлично выдрессированный дракон, охраняла свою госпожу от вторжений из внешнего мира.

Я испытующе приподнял брови в невысказанном вопросе. Милли энергично кивнула.

– Ступайте прямиком наверх, мистер Марк, – сказала она. – Она с утра не в настроении; может, вам удастся ее встряхнуть.

Я поднялся по двум лестничным пролетам, легонько постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа.

Кабинет миссис Оливер был просторным, на обоях среди тропической зелени расселись экзотические птицы. Сама миссис Оливер в состоянии, близком к безумию, бродила по комнате, бормоча что-то себе под нос. Она бросила на меня быстрый равнодушный взгляд и продолжала блуждать. Обвела невидящим взором стены, выглянула из окна и вдруг зажмурилась, будто ей стало очень больно.

– Но почему, – спросила миссис Оливер в пространство, – почему этот идиот не сказал, что видел какаду? Почему не сказал? Он же не мог его не видеть! Но если он об этом упомянет, всему конец. Однако должен же быть способ... Должен быть способ...

Она застонала, прочесала пальцами седые, коротко стриженные волосы и вдруг исступленно вцепилась в них. Затем, посмотрев на меня внезапно прояснившимся взглядом, сказала:

– Привет, Марк. Я схожу с ума.

И возобновила свои жалобы:

– А тут еще Моника. Чем привлекательней я пытаюсь ее сделать, тем противнее она становится. Такая тупая девица! И такая самодовольная! Моника... Моника? Полагаю, имя подобрано неправильно. Нэнси? Может, лучше будет назвать ее Нэнси? Или Джоан? Всех всегда зовут Джоан. С Энн то же самое. Сюзан? У меня уже была Сюзан. Люсия? Люсия... Да, я могу представить ее Люсией. Рыжая. В джемпере с воротником поло... Черные колготки? В любом случае – пусть будут черные чулки.

Недолгий проблеск хорошего настроения погас: его затмило воспоминание о проблеме с какаду, и миссис Оливер возобновила горестные блуждания по комнате, бесцельно подбирая разные вещи со столиков и перекладывая их на другие места. Она бережно поместила футляр для очков в лакированную шкатулку, в которой уже лежал китайский веер, и с глубоким вздохом сказала:

– Я рада, что пришли именно вы.

– Очень любезно с вашей стороны.

– А то ведь мог заявиться кто угодно. Какая-нибудь дурочка, желающая, чтобы я открыла благотворительный базар, или человек по поводу страховки Милли – а Милли наотрез отказывается страховаться. Или сантехник – но это было бы чересчур большим везеньем, верно? Или это мог быть интервьюер, задающий всякие бестактные вопросы, всегда одни и те же: «Что впервые заставило вас задуматься о профессии писательницы?» «Сколько книг вы написали?», «Сколько вы зарабатываете?»... И так далее, и тому подобное. Я никогда не знаю, как на это отвечать, и всегда выставлю себя дурочкой. Хотя это не важно, потому что, сдаётся, я вот-вот сойду с ума из-за какаду.

– Не вытанцовывается? – сочувственно спросил я. – Может, мне лучше уйти...

– Не уходите. В любом случае вы меня отвлекаете. Я принял сей сомнительный комплимент.

– Хотите сигарету? – с рассеянным гостеприимством спросила миссис Оливер. – Где-то они есть, посмотрите в футляре от машинки.

– Спасибо, у меня с собой свои. Возьмите одну... Ах да, вы же не курите.

– И не пью, – сказала миссис Оливер. – А жаль.

Вот у американских детективов всегда под рукой пинта виски в ящике письменного стола. Похоже, это помогает им решить все проблемы... Знаете, Марк, на самом деле я не думаю, что в реальной жизни убийство может сойти с рук. По-моему, уже в момент совершения убийства все становится ясным как божий день.

– Ерунда. Вы же сами совершили множество убийств!

– По меньшей мере пятьдесят пять, – сказала миссис Оливер. – Совершить преступление легко и просто. Скрыть его – вот в чем сложность. Я имею в виду – почему убийцей должен быть кто-то другой, а не ты? Тебя же видно за версту!

– Но не в законченной главе.

– Ах, но чего мне это стоит! – мрачно пожаловалась миссис Оливер. – Говорите что хотите, но это неестественно, когда пять или шесть человек оказываются поблизости от места преступления, где убит некий Б., и у всех имеется мотив для убийства Б., если только этот Б. – не безумно несносный субъект. А в таком случае всем будет плевать, жив он или убит, и всем будет до лампочки, кто именно его прикончил.

– Понимаю ваши проблемы, – сказал я. – Но раз вы успешно справились с ними пятьдесят пять раз, справитесь и теперь.

– Именно это я себе и говорю, снова и снова, но не верю ни единому своему слову, поэтому я просто в отчаянии.

Миссис Оливер снова схватилась за голову и неистово потянула себя за волосы.

– Хватит! – воскликнул я. – Не то вырвете с корнем.

– Глупости, – сказала она. – Волосы держатся крепко. Вот когда в четырнадцать лет у меня была корь с очень высокой температурой, они выпадали – повсюду надо лбом. Такая стыдоба... И прошло целых шесть месяцев, прежде чем они отросли до прежней длины. Ужасно для девочки – они же так заботятся о своих волосах... Я вспомнила об этом вчера, когда навещала Мэри Деллафонтейн в частной клинике. У нее волосы выпадают точно так же, как тогда выпадали мои. Мэри говорит, ей придется носить спереди накладку, когда она поправится. Полагаю, в шестьдесят лет волосы не всегда снова отрастают.

– Прошлым вечером я видел, как одна девушка вырвала у другой волосы прямо с корнями, – сказал я – и услышал в своем голосе легкую гордость человека, повидавшего жизнь.

– В какие это экстраординарные заведения вы заходите? – спросила миссис Оливер.

– Это было в кафе-баре в Челси.

– А, Челси... Там, наверное, может случиться что угодно. Битники, спутники, крестики-нолики, «разбитое поколение»⁹... Я редко про них пишу, потому что боюсь запутаться в терминах. Думаю, безопаснее придерживаться того, в чем разбираешься.

– Например?

– Людей, совершающих круизы, отелей и того, что происходит в больницах, приходских советов, благотворительных распродаж, музыкальных фестивалей, девушек в магазинах, общественных комитетов, приходящих работниц, молодых людей, путешествующих автостопом по всему миру в интересах науки, продавцов...

Она замолчала, задохнувшись.

– Похоже, у вас обширный список тем, – сказал я.

– И все-таки вы могли бы пригласить меня в какой-нибудь бар в Челси... Просто для расширения моего жизненного опыта, – с тоской проговорила миссис Оливер.

– Да в любое время, когда пожелаете. Сегодня вечером?

– Только не сегодня вечером. Я слишком занята – буду писать свою книгу... Вернее, буду беспокоиться, что она никак не пишется. Это один из самых утомительных аспектов писательского ремесла – хотя в нем, вообще-то, все утомительно, кроме единственного мгновения, когда тебя осеняет великолепная, по твоему мнению, идея, и ты дождаться не можешь, когда воплотишь ее в жизнь... Скажите, Марк, как по-вашему, можно убить дистанционно?

– В каком смысле – дистанционно? Нажать кнопку и послать смертоносный радиоактивный луч?

– Нет-нет, я не о научной фантастике. Наверное... – Миссис Оливер с сомнением помолчала. – ...Я имею в виду черную магию.

– Восковые фигурки с воткнутыми в них булавками?

– О, восковые фигурки – слишком примитивно, – пренебрежительно заметила писательница. – Но ведь странные вещи и впрямь случаются – в Африке и в Вест-Индии. Об этом все время рассказывают – как туземцы просто сворачиваются клубком и умирают. Вуду¹⁰... Или джу-джу¹¹... В общем, вы знаете, о чем я.

---

⁹ «Разбитое поколение», или «поколение битников», – название группы американских авторов, которое оказало влияние на культурное сознание своих современников с середины 1940-х гг. и завоевало признание в конце 1950-х гг. Важнейшие образцы литературы бит-поколения: «Голый завтрак» У. Берроуза, «Вопль» А. Гинзберга, «В дороге» Дж. Керуака.

¹⁰ Вуду – общее название религиозных верований, появившихся среди потомков чернокожих рабов, вывезенных из Африки в Южную и Центральную Америку. Такая магия используется либо для помощи больному, либо для нанесения вреда

Я сказал, что в наши дни многое из этого приписывают силе внушения. Жертве всегда сообщают, что знахарь обрек ее на смерть, – а подсознание делает все остальное.

Миссис Оливер фыркнула:

– Если кто-нибудь намекнет мне, что я обречена лечь и умереть, – с каким удовольствием я разрушу эти ожидания!

Я рассмеялся.

– У нас в крови много веков доброго западного скепсиса. Нет у нас предрасположения к черной магии.

– Значит, вы думаете, такое может случиться?

– Я слишком мало знаю о данном предмете, чтобы о нем судить. А вам-то почему такое пришло в голову? Ваш новый шедевр будет называться «Убийство силой внушения»?

– Ничего подобного. Меня вполне устраивает что-нибудь старомодное типа доброго старого крысиного яда или мышьяка. Или прочного тупого предмета. Огнестрельное оружие слишком мудреное. Но вы же пришли не для того, чтобы разговаривать со мной о моих книгах?

– Откровенно говоря, не для этого. Дело в том, что моя двоюродная сестра Рода Деспард устраивает церковный праздник и...

– Больше ни за что на свете! – отрезала миссис Оливер. – Знаете, что случилось в прошлый раз? Я организовала игру «Поиски убийцы» – и мы тут же нашли настоящий труп!¹² Я так и не оправилась после этого!

– «Поисков убийцы» не будет. Все, что от вас потребуется, – сидеть в палатке и надписывать ваши книги, по пять шиллингов за автограф.

– Ну-у... – с сомнением протянула миссис Оливер. – Это еще туда-сюда. А мне не придется открывать праздник? И говорить всякие глупости?

Или носить шляпу?

Я заверил, что ничего подобного от нее не потребуется.

– На все уйдет лишь час-другой, – улещал я. – А потом будет игра в крикет... Хотя нет, в такое время года крикета не будет. Зато, может, будут детские танцы. Или конкурс на лучший маскарадный костюм...

Меня перебил дикий вопль миссис Оливер:

– Ну конечно! Мяч для крикета! Он видит его через окно... Мяч взлетает вверх... И это его отвлекает – вот почему он так и не упоминает о какаду. Как хорошо, что вы зашли, Марк. Вы просто чудо!

– Я не совсем понял...

– Может быть, зато я поняла, – заявила миссис Оливер. – Все порядком запутано, и я не хочу тратить времени на объяснения. Приятно было с вами повидаться, а теперь мне бы очень хотелось, чтобы вы ушли. Немедленно.

– Конечно. А как насчет праздника...

– Я подумаю. А сейчас не беспокойте меня. Куда я, черт возьми, положила очки? Что за манера у вещей исчезать ни с того ни с сего!..

врагу и убийства жертвы посредством использования колдовских напитков, заклинания кукол и разнообразных ритуалов.

¹¹ Термином «джу-джу» африканцы обычно обозначают сверхъестественные силы. Также это можно перевести как «магия», «колдовство», «чародейство». Джу-джу используется и для лечения, и для причинения зла врагу.

¹² Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Причуда мертвеца», а также в повести «Эркюль Пуаро и путаница в Гриншоре».

Глава 2

I

Миссис Джерати распахнула входную дверь дома католического священника – как обычно, резко, словно с налету. Это было похоже не столько на открывание двери в ответ на звонок, сколько на триумфальный маневр в стиле «Ну теперь-то ты мне попался!».

– И что тебе нужно? – воинственно спросила она.

На крыльце стоял мальчик – весьма невзрачный, из тех, кого нелегко заметить и нелегко запомнить, – в общем, похожий на множество других мальчиков. Он громко шмыгал носом, потому что у него был насморк.

– Это дом священника?

– Ты про отца Гормана?

– Он нужен, – сказал мальчишка.

– Кому он нужен и зачем?

– Бенталл-стрит, двадцать три. Женщина говорит – она помирает. Вот миссис Коппинз меня и послала. Это ж дом католического священника, так? Женщина говорит – викарий не подойдет.

Миссис Джерати заверила его, что в этом существенном пункте всё в порядке, велела ждать здесь и удалилась в дом. Спустя три минуты появился высокий пожилой священник с небольшим кожаным саквояжем в руке.

– Я отец Горман, – сказал он. – Бенталл-стрит? Это возле сортировочной станции, не так ли?

– Совсем рядом, доплюнуть можно.

Они пошли рядом; священник двигался свободным, широким шагом.

– Миссис Коппинз, ты сказал? Так ее зовут?

– Она – хозяйка дома. Сдаёт комнаты, вот что. А вас зовет одна из жилищек. Кажись, ее зовут Дэвис.

– Дэвис? Не знаю, не знаю. Не припоминаю...

– Да она из ваших, точно. Католичка в смысле.

Священник кивнул. Они вскоре дошли до Бенталл-стрит, и мальчик показал на высокий унылый дом в ряду других высоких и унылых домов:

– Тут.

– А ты не идешь?

– Да я не отсюда. Миссис Коппинз дала мне шиллинг, чтоб я вам все передал.

– Понятно. Как тебя зовут?

– Майк Поттер.

– Спасибо, Майк.

– Не за что, – ответил Майк и ушел, насвистывая. Его не трогала надвигающаяся смерть кого-то другого.

Дверь дома номер двадцать три отворилась, и на пороге появилась миссис Коппинз, краснотелая крупная женщина, с энтузиазмом встретившая посетителя:

– Входите, входите! Совсем ей плохо, вот что я скажу. Лежать бы ей в больнице, а не здесь. Я туда и позвонила, да бог знает, когда они явятся, в нашито дни... Муж моей сестры ждал их шесть часов со сломанной ногой. Стыд и позор, вот что! Тоже мне, медицинская служба! Денежки берут, а когда они нужны, где их сыщешь?

Разговаривая, она вела священника вверх по узким ступенькам.

– Что с ней?

– Да грипп у нее. И вроде бы уже получшало. Вышла она спозаранку, вот что я скажу, а вернулась прошлым вечером страшнее смерти. Легла в постель, от еды отказалась. Доктора не захотела. А нынче утром вижу – вся огнем горит. На легкие перекинулось.

– Воспаление легких?

Миссис Коппинз, успевшая запыхаться, издала звук, похожий на свисток паровоза, – видимо, он означал согласие. Она распахнула дверь, пропустила отца Гормана в комнату и сказала через его плечо фальшиво-бодрым голосом:

– Вот и преподобный к вам пожаловал! Теперь все будет хорошо!

И удалилась.

Отец Горман сделал шаг вперед. Комната, обставленная старомодной викторианской мебелью, была чисто прибранной и аккуратной. Женщина в кровати возле окна слабо повернула голову. Она была очень больна – это священник увидел сразу.

– Вы пришли... Времени мало...

Она говорила в промежутках между тяжелыми вдохами:

– Злодеяние... Такое злодеяние... я должна... должна... Я не могу так умереть... Испе... исповедоваться в моем... грехе... ужасном... ужасном...

Полузакрытые глаза блуждали. С губ срывались монотонные бессвязные слова. Отец Горман подошел к кровати. Он заговорил так, как говорил часто – очень часто. Слова убеждения... слова утешения... слова его профессии и его веры. Мир снизошел в комнату. Мука исчезла из страдающих глаз.

А потом, когда священник закончил речь, умирающая заговорила снова:

– Остановить... Это надо остановить... Вы остановите...

Священник ответил с успокаивающей убежденностью:

– Я сделаю все, что потребуется. Можете довериться мне...

Чуть позже появились одновременно доктор и машина «Скорой помощи». Миссис Коппинз встретила их с мрачным торжеством.

– Как всегда, слишком поздно! – сказала она. – Она умерла...

II

Отец Горман возвращался домой в надвигающихся сумерках. Ночь обещала быть туманной, и туман быстро сгустился.

Священник на мгновение приостановился, нахмурившись. Какая странная, фантастическая история... Какая ее часть – порождение бреда и лихорадки? Есть в ней, конечно, и правда – но что в ней истинно, а что ложно?

В любом случае нужно записать фамилии, пока они еще свежи у него в памяти.

Члены Общества святого Франциска уже соберутся к тому времени, как отец Горман вернется.

Он резко свернул в маленькое кафе, заказал чашку кофе и сел. Пошарил в карманах сутаны. Ох уж эта миссис Джерати – просил же он зашить подкладку... А она, как обычно, не зашила! Записная книжка, затупившийся карандаш и несколько монет провалились в дыру. Отец Горман выудил пару монеток и карандаш, но достать записную книжку оказалось невозможно.

Принесли кофе, и он спросил, не могут ли ему дать листок бумаги.

– Это подойдет?

«Это» было рваным бумажным пакетом. Отец Горман кивнул, взял его и начал записывать фамилии; было очень важно не забыть фамилии. Вечно они вылетали у него из головы...

Дверь кафе отворилась, вошли трое молодых людей, одетых в эдвардианском стиле¹³, и шумно уселись.

Отец Горман кончил писать, сложил бумажку и хотел убрать ее в карман, но вспомнил про дыру в подкладке. И тогда он сделал то, что часто делал и раньше, – сунул сложенный клочок в ботинок.

Тихо вошел какой-то человек и сел в дальнем углу. Отец Горман из вежливости сделал глоток-другой жидкого кофе, попросил счет и расплатился. Затем встал и вышел.

Человек, который вошел последним, похоже, передумал пить кофе; посмотрев на свои часы, он как будто спохватился, что перепутал время, встал и поспешил вон.

Туман быстро сгущался. Отец Горман пошел быстрее. Он отлично знал свой район и направился по изогнутой улочке вдоль железнодорожных путей. Может, он и слышал шаги позади, но не обратил на них внимание. А почему он должен был придавать им значение?

Удар тяжелой дубинкой был для него полной неожиданностью. Он качнулся вперед и упал...

III

Доктор Корриган, насвистывая «Отец О’Флинн», вошел в кабинет инспектора уголовной полиции Лежена и непринужденно обратился к нему:

– Закончил я с вашим падре.

– Результаты?

– Медицинские термины прибережем для коронера. Его от всей души шарахнули чем-то тяжелым по голове. Наверное, первый же удар его и прикончил, но неизвестный для верности добавил еще. Мерзопакостное дело.

– Да, – отозвался Лежен.

Это был темноволосый и сероглазый здоровяк с обманчиво мягкими манерами, но порой неожиданно выразительные жесты выдавали его происхождение от французских гугенотов.

Инспектор задумчиво спросил:

– Дело слишком мерзопакостное для обычного ограбления?

– А его ограбили? – поинтересовался врач.

– Похоже на то. Карманы были вывернуты, подкладка сутаны распорота.

– Они не могли надеяться на крупную поживу, – сказал Корриган. – Большинство приходских священников бедны, как церковные крысы.

– Ему размозжили голову... чтобы прикончить наверняка, – вслух подумал Лежен. – Хотелось бы знать почему.

– Есть два возможных ответа, – сказал Корриган. – Первый: действовал злобный молодой головорез, который любит жестокость ради жестокости, – таких в наши дни, к огромному сожалению, пруд пруди.

– А второй ответ?

Врач пожал плечами.

– Кто-то сознательно решил прикончить вашего отца Гормана. Такое возможно?

Лежен покачал головой.

– Вряд ли. Он был популярным человеком, в районе все его очень любили. Насколько известно, у него не было врагов. Ограбление тоже маловероятно. Если только не...

– «Не» – что? – спросил Корриган. – У полиции есть зацепка! Я прав?

– У него было при себе кое-что, что не забрали. Вообще-то, это лежало у него в ботинке.

---

¹³ Часть лондонской молодежи в начале 1960-х гг. (именно в это время происходит действие романа) увлекалась модой начала XX в., названной эдвардианской по имени короля Эдуарда VII (правил в 1901–1910 гг.).

Корриган присвистнул.

– Смахивает на шпионскую историю.

Лежен улыбнулся.

– Все гораздо проще. У него в кармане была дыра. Сержант Пайн разговаривал с его экономкой. Похоже, она слегка неряшлива. Не чинила вовремя его одежду, отлынивала от работы... Она призналась, что отец Горман время от времени засовывал бумаги и письма в ботинок – чтобы они не провалились под подкладку сутаны.

– А убийца об этом не знал?

– Ему бы такое и в голову не пришло! Если предположить, что ему нужен был именно этот клочок бумаги... А не жалкая горстка мелких монет.

– И что в записке?

Лежен открыл ящик стола и вытащил тонкую смятую бумажку.

– Просто список фамилий, – сказал он.

Корриган с любопытством проглядел записку.

Ормерод

Сэндфорд

Паркинсон

Хескет-Дюбуа

Шоу

Хармондсворт

Такертон

Корриган?

Делафонтейн?

Он приподнял брови.

– Вижу, я тоже в этом списке!

– Какая-нибудь из этих фамилий вам о чем-нибудь говорит? – спросил инспектор.

– Ни одна.

– И вы никогда не встречались с отцом Горманом?

– Никогда.

– Тогда особой помощи от вас не жди.

– Есть догадки насчет того, что означает этот список? Если он вообще что-нибудь означает...

Лежен уклонился от прямого ответа.

– Мальчишка зашел за отцом Горманом около семи вечера. Сказал, что женщина умирает и ей нужен священник. Отец Горман пошел с мальчиком.

– Куда? Если вам это известно...

– Известно. На проверку ушло немного времени.

Бенталл-стрит, дом двадцать три. Дом принадлежит женщине, миссис Коппинз. Больную звали миссис Дэвис. Священник пришел туда в четверть восьмого и провел с больной около получаса. Миссис Дэвис умерла как раз перед тем, как приехала машина «Скорой помощи», чтобы отвезти ее в больницу.

– Понятно.

– Следующий шаг отца Гормана мы проследили до «У Тони» – маленького третьесортного кафе. Вполне обычное заведение, никакой криминальной истории, закуски там паршивые и посетителей немного. Отец Горман заказал чашку кофе. Потом, очевидно, пошарил в карманах, не нашел того, что искал, и попросил у хозяина, Тони, листок бумаги. Вот, – Лежен показал пальцем, – этот самый листок.

– А потом?

– Когда Тони принес кофе, священник что-то писал. Вскоре он ушел, оставив кофе почти нетронутым – за что я его не виню, – закончив составлять свой список и сунув его в ботинок.

– Кто-нибудь еще там был?

– Трое пижонистых парней зашли и сели за один столик, пожилой человек уселся за другой. Этот позже ушел, так ничего и не заказав.

– Он последовал за священником?

– Возможно. Тони не заметил, как тот ушел. И не заметил, как тот выглядел. Описал его как ничем не примечательного субъекта. Респектабельного. Такого, который ничем не отличается от других. Кажется, среднего роста, в синем пальто – а может, в коричневом. Волосы не очень темные и не очень светлые. С чего бы ему иметь отношение к этому делу? Хотя кто знает... Он еще не явился, чтобы сообщить, что видел священника в кафе Тони, – но пока рановато. Мы просили всех, кто видел отца Гормана между четвертью восьмого и четвертью девятого, связаться с нами. Пока отозвались всего двое: женщина и владелец аптеки неподалеку. Я как раз собираюсь их опросить. Тело нашли в четверть девятого два маленьких мальчика на Уэст-стрит – знаете это место? Можно сказать, переулок, по одну сторону которого тянется железная дорога. Остальное вам известно.

Корриган кивнул и похлопал по листку.

– И что вы об этом думаете?

– Думаю, это важно, – сказал Лежен.

– Умиравшая рассказала ему что-то, и при первой же возможности он набросал фамилии, чтобы их не забыть. Одно только «но»: стал бы он так поступать, если б ему рассказали это под тайной исповеди?

– Необязательно под тайной исповеди, – заметил Лежен. – Предположим – к примеру, – что имена связаны с... Ну, скажем, с шантажом.

– Это ваша версия?

– У меня пока вообще нет версий. Лишь рабочая гипотеза. Положим, этих людей шантажировали. Покойная либо сама была шантажисткой, либо знала о шантаже. В общем и целом идея такова: раскаяние, признание вины, желание насколько возможно загладить содеянное. Отец Горман взял эту миссию на себя.

– А потом?

– Все остальное – предположения, – признался Лежен. – Скажем, имел место рэкет и кто-то не захотел, чтобы ему перестали платить. Кто-то узнал, что миссис Дэвис при смерти и послала за священником. И вот что произошло после.

– Теперь я гадаю, почему напротив двух последних фамилий стоит вопросительный знак, – сказал Корриган, снова изучая бумажку. – Как по-вашему?

– Возможно, отец Горман сомневался, что правильно запомнил имена.

– Вместо «Корриган» могло быть «Маллиган», – согласился с ухмылкой врач. – Вполне возможно. Но уж такую фамилию, как Делафонтейн, либо запомнишь, либо нет – если вы понимаете, о чем я. Странно, что нет ни одного адреса...

Он снова перечитал список.

– Паркинсон... Паркинсонов завались. Сэндфорд... Тоже не редкая фамилия. Хескет-Дюбуа – попробуй выговори... Таких не может быть много.

Повинуясь внезапному импульсу, он перегнулся через стол и взял телефонную книгу.

– От Е до Х. Ну-ка, посмотрим... Хескет, миссис А... «Джон и Ко.», водопроводчики... Сэр Айседор... А, вот оно! Хескет-Дюбуа, леди, Элсмир-сквер, Юго-Запад-один, сорок девять. Может, позвоним сейчас?

– И что скажем?

– Что подскажет вдохновение, – легкомысленно ответил Корриган.

– Валяйте, – согласился Лежен.

– Что? – уставился на него доктор.

– Я сказал – валяйте, – точно так же легкомысленно отозвался инспектор. – И кончайте стоять с таким видом, будто вас застали врасплох. – Он сам взял трубку: – Соедините с городом. – Взглянул на Корригана: – Номер?

– Гросвенор, шестьдесят четыре – пятьсот семьдесят восемь.

Лежен повторил номер в трубку и передал ее Корригану:

– Желаю получить удовольствие.

Слегка озадаченный, доктор принялся ждать, глядя на инспектора. Гудки раздавались очень долго, но никто не отвечал. Наконец раздался женский голос, перемежающийся тяжелой одышкой:

– Гросвенор, шестьдесят четыре – пятьсот семьдесят восемь.

– Это дом леди Хескет-Дюбуа?

– Ну-у... Да... То есть... В смысле...

Доктор Корриган прервал эти нерешительные слова:

– Могу я поговорить с ней, будьте любезны?

– Нет, не можете. Леди Хескет-Дюбуа умерла в апреле.

– О!

Доктор Корриган, вздрогнув, проигнорировал вопрос: «Простите, а кто это говорит?» – и осторожно повесил трубку. Затем холодно взглянул на Лежена.

– Вот почему вы с такой готовностью позволили мне позвонить...

Инспектор злокозненно улыбнулся.

– В апреле, – задумчиво сказал Корриган. – Пять месяцев назад. Пять месяцев как ее больше не волнует шантаж – или какие там еще у вас были варианты... Она не покончила с собой, ничего такого?

– Нет. Умерла от опухоли мозга.

– Итак, возвращаемся к исходной точке, – сказал Корриган, глядя на список.

Лежен вздохнул.

– Мы вообще не знаем, имеет список отношение к убийству или нет, – заметил он. – Это могло быть обычным разбойным нападением в туманный вечер... И без случайного везения исчезающе мало надежды найти того, кто это совершил.

– Вы не возражаете, если я буду продолжать работать со списком? – спросил доктор Корриган.

– Валяйте. Желаю вам всей удачи в мире.

– Хотите сказать, что раз у вас ничего не вышло, то и я вряд ли чего-нибудь добьюсь? Не будьте так уверены. Я займусь Корриганом. Мистер, миссис или мисс Корриган – с большим вопросительным знаком.

Глава 3

I

– Ну вообще-то, мистер Лежен, даже не знаю, что еще вам рассказать. Я уже выложила все раньше вашему сержанту. Я не знаю, кем была миссис Дэвис и откуда она родом. Она прожила у меня месяцев шесть. Платила вовремя и казалась славной, тихой, почтенной такой женщиной... Уж не знаю, что еще вы хотите от меня узнать.

Миссис Коппинз перевела дыхание и с досадой посмотрела на Лежена. Он улыбнулся ей ласковой меланхолической улыбкой, по опыту зная, как такая улыбка действует на людей.

– Да я бы помогла вам, чем смогла, но вот ведь незадача... – поправилась женщина.

– Благодарю. Это то, что нам требуется, – помощь. Женщины знают – инстинктивно чувствуют – гораздо больше, чем может знать мужчина.

То был хороший ход, и он сработал.

– Ах! – сказала миссис Коппинз. – Вот бы мой муж это услышал. Он всегда был такой раздражительный и бесцеремонный... Вечно твердил: «Говоришь, будто все знаешь, а на самом деле ничегошеньки не знаешь!» – и фыркал. А я девять раз из десяти оказывалась права.

– Вот поэтому мне и хотелось бы узнать, что вы думаете о миссис Дэвис. Как вы считаете, она была несчастливой женщиной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.